

Патрисии КААС 22 года. И сегодня на французской эстраде равных ей, пожалуй, не найти. Призы, и только высшие, собирает играючи. Она — певица — открытие № 1 плюс лучшая исполнительница 1988 года. Недавно получила Оскара за самый успешный первый диск и специальный приз за песню «Из Германии». Удивительно это потому, что Каас поет... блюзы, а не популярный сейчас рок. Вскоре нас ждет приятный сюрприз: мы увидим Патрисию в Москве.

Ни намека на макияж, простенькая прическа, скромный плащик... И эта бледная, тоненькая девочка Патрисия Каас, видеоклипы которой каждый вечер крутят по телевидению? Но девочка вежливо поздоровалась: «Бонжур», и голос — низкий, чуть хрипловатый и очень сильный — тоже рассеял сомнения.

— В восемь лет я пела в детских конкурсах, в девять даже совершила маленькое турне по моей Лотарингии. С тринадцати выступала в кабаре в Саарбрюккене.

— Но это в ФРГ, как вас туда одну отпускали?

— Мы жили в 50 метрах от границы. К тому же моя мама — немка, ни слова не говорящая по-французски. А отец — лотарингец. Фамилия у нас голландская — не знаю, откуда она взялась.

— Трудно представить — солистка кабаре 13.

— Это был дансинг с вальсами, блюзами, танго — никакого парижского блеска и шика. Я откладывала по уик-эндам своих кукол и играла в другую игру. Сначала меня марионеткой выставляли на сцену. Но я постепенно втягивалась, и игра стала мне нужна. Видела публику и говорила с нею моими песнями. Мне это нравилось. Зрителям, по-моему, тоже.

— А родители, они не были против?

— Нас в семье семеро — пятеро братьев и две сестры. Я — младшая. Отец работал на шахте — сколько он зарабатывал? Мать вела хозяйство. Мне платили франков по триста за субботу с воскресеньем. Деньги не лишние.

— Как вы успевали и петь, и учиться?

— Ученицей я была средненькой. Когда пришла в школу, не знала французского совсем. Но в детстве все постигается быстро. Сейчас живу в Париже и, кажется, немецкий превратился из первого моего языка во второй. А из школы я ушла. Девчонки шептались: «Пойдем, пофлиртуем с мальчиками». Или: «Затянемся сигареткой». Но меня это не привлекало. Товарищей заменяли сцена и общение с публикой. Да и учебу я не слишком любила. Потом стажировалась в школе манекенщиц. Даже диплом получила.

— Где же вы учились музыке? На курсах? В консерватории?

— Я? Нигде. Моя школа — кабаре. Слушала, как поют, смотрела, как танцуют и держатся перед зрителем профес-

сионалы. Сцена — мой единственный учитель. Я никогда не занималась ни с какими педагогами.

— Откуда же у вас прекрасный поставленный голос?

— Может, от природы? Или кабаре «поставило». Если хотите, я против всяких музыкальных училищ. Там дают ноты и приказывают: пой так! Все и поют абсолютно так и только так. Потому многие переученные столь похожи. А я песню не пою, я ее чувствую. Хороша мелодия — значит, песня моя. И к тому же при той практике и той жизни, что у меня были, — когда же учиться?

Мне повезло. Раз в наше ка-

почитаю песню с ясной мелодией.

— Сейчас в видеоклипах вид сбивающего тела, и не только женского, так же привычен, как и вид микрофона. Не слишком ли беззащитны некоторые ваши коллеги?

— Тем, у кого нет голоса и сердца, остается брать зрителя телом. Но, знаете, немного соблазна, немного таинственности в одежде не мешают.

— На сцене вы танцуете, да еще в таком темпе — вы учились основам хореографии?

— И хореографии — тоже нет. Занимаюсь спортом — приходится для выносливости накачивать мускулы и играть в

МАДЕМУАЗЕЛЬ

Конец правды. — 1989. — 19 апр.

БЛЮЗ

баре забрел француз-архитектор. Он влюбился в мой голос и поклялся: «Обязательно помогу этой девочке». Познакомил меня в Париже с директором студии грамзаписи. Тот прослушал и тоже согласился помочь. Решили, что тембр голоса подходит для моих любимых блюзов, и согласились: пусть поет их, а не рок, который сейчас в моде. Слова к моей первой маленькой пластинке написала Элизабет Депардьё. Продюсером согласился быть ее муж — киноактер Жерар Депардьё. Песня «Ревность» прошла средне: ее сочли некоммерческой. Однако и провала не произошло. Меня подбадривали и поддерживали. А композитор Дидье Барбеллинен написал для меня хит — «Мадемуазель поет блюз». Правда, на радио снова возникли сложности.

— Опять песня некоммерческая! Но сейчас ее передают без перерыва.

— Пошла она благодаря телевидению и видеоклипу. В прошлом году они меня буквально подбросили в таблице «Топ-50».

— Почему вы не поете хард-рок?

— Я его не люблю. Шумная музыка — не для меня. Пред-

скажу. Много ем, но без толку: никак не наберу недостающих килограммов.

— Успеваете быть дома? И помогаете ли родителям, сделавшись знаменитой и обеспеченной?

— В мой городок Форбак приезжаю часто. Я не замужем, и «легка на подъем». Теперь меня узнают на улицах: «Привет! Поздравляем! Дай автограф!». У меня голова не кружится. Иногда тревожно: как друзей подлинных отличить от мнимых? Надо во что бы то ни стало остаться прежней, не меняться. Пока удаётся, а дальше? Слава — это сложно. Мне хорошо дома. Только отец — он на пенсии — помощи не принимает. Семья моя живет в скромном домике, и мне советуют жить по-прежнему, в скромности. Вот я и живу радостью пения, а не радостью зарабатывания денег пеннием.

— Вы много поете?

— Меньше, чем хотелось бы. Зато когда выступаю на сцене, то без всяких фонограмм. Голосу нужна работа. Наработаюсь в будущем году. С февраля по июль у меня — гастроли в Европе, Канаде, Японии. Может, удастся и в Россию заехать.

— Вы же будете у нас в апреле. Разве не так?

— Но не с концертами. Выступлю по вашему телевидению. С 70 французскими знаменитостями я недавно записала песню «Тебе, Армения!».

— «Комсомолка» о ней рассказывала.

— Если мой менеджер договорится, спою в благотворительном представлении в фонд Армении вместе с советскими артистами. Я мало где бывала в своей жизни — откуда взяться дебрям в семье шахтера? И поездка к вам — одно из первых моих путешествий.

Беседу вел
Н. ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш соб. корр.).
Париж.

182